

КРОКОДИЛ

№ 36

Цена 15 коп.

МОСКВА, СЕНТЯБРЬ 1927 г.

Рис. Ю. Ганфа

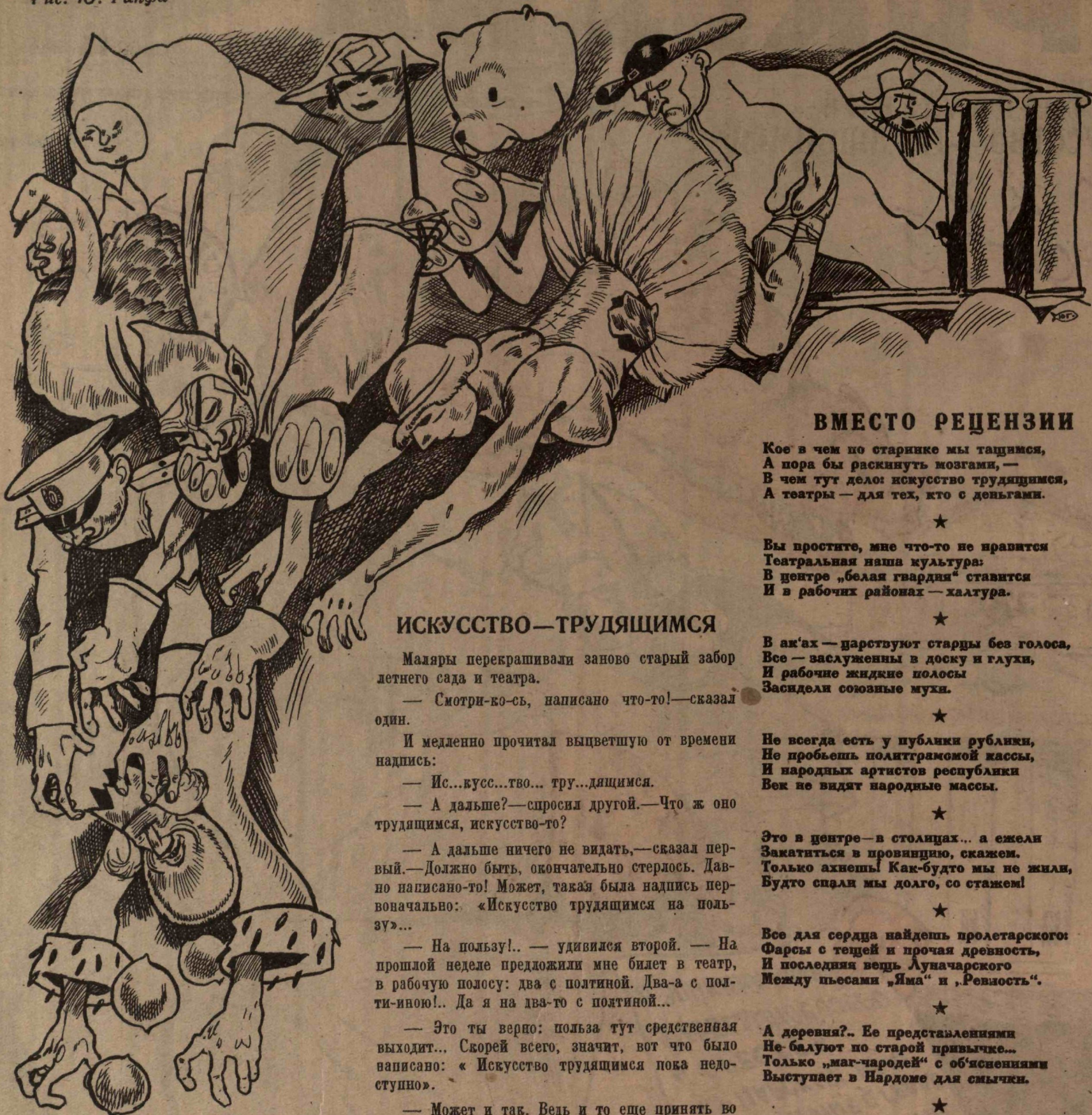
СПЕЦИАЛЬНЫЙ
„ИСКУССТВО—ТРУДЯЩИМСЯ“

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЕ МУЗЕЙ
№ 67a
3-XL 1927
БИБЛИОТЕКА

ПРОГРАММА
АКТЕАТРОВ
1 ДНИ ТУРБИНЫХ
2 СКАЗАНЦЕ О ГРАДЕ
3 У ЦАРСКИХ ВРАТ
4 ОРЕСТЕЯ
5 ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО
6 ЗОИКИНА КВАРТА

КРОКОДИЛ (в недоумении): — Интересно, — каким же образом этой программы идет „искусство—трудоющимся“?!

КОШМАР РАБОЧЕГО ЗРИТЕЛЯ

ИСКУССТВО—ТРУДЯЩИМСЯ

Маляры перекрашивали заново старый забор летнего сада и театра.

— Смотри-ко-сь, написано что-то!—сказал один.

И медленно прочитал выцветшую от времени надпись:

— Ис...кусс...тво... тру...дящимся.

— А дальше?—спросил другой.—Что ж оно трудящимся, искусство-то?

— А дальше ничего не видать,—сказал первый.—Должно быть, окончательно стерлось. Давно написано-то! Может, такая была надпись первоначально: «Искусство трудящимся на пользу»...

— На пользу!.. — удивился второй. — На прошлой неделе предложили мне билет в театр, в рабочую полосу: два с полтиной. Два-а с полти-иною!.. Да я на два-то с полтиной!..

— Это ты верно: польза тут средственная выходит... Скорей всего, значит, вот что было написано: «Искусство трудящимся пока недо-ступно».

— Может и так. Ведь и то еще принять во внимание: начинается в театрах в восемь, а кончается в двенадцать ночи. Пока дойдешь, пока поешь, а спать-то когда же?.. Нашему брату вставать рано приходится!

— Да и удовольствие велико ли?.. Помню, попал я в театр на оперу «Аиду», и скучища же, братец ты мой!.. Кричат все: «Бежим, бежим», а сами ни с места!

— Может, на надписи-то было: «Искусство трудящимся без надобности?»..

— Ну, такого не паишут теперь!..

— Когда—теперь? Может, надпись-то эта еще довоенная?..

— Может и довоенная... — сказал, зевнув, первый.—А впрочем, что толку разбирать-то? Все равно, закрашивать надо, Вася!

Грамен.

ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ

Кое в чем по старинке мы тащимся,
А пора бы раскинуть мозгами,—
В чем тут дело: искусство трудящимся,
А театры — для тех, кто с деньгами.

★

Вы простите, мне что-то не нравится
Театральная наша культура:
В центре „белая гвардия“ ставится
И в рабочих районах — халтура.

★

В ак'ах — царствуют старцы без голоса,
Все — заслуженны в доску и глухи,
И рабочие жидкие полосы
Засидели союзные мухи.

★

Не всегда есть у публики рублени,
Не пробьешь политграммой кассы,
И народных артистов республики
Век не видят народные массы.

★

Это в центре—в столицах... а ежели
Закатиться в провинцию, скажем.
Только ахнешь! Как-будто мы не жили,
Будто спали мы долго, со стажем!

★

Все для сердца найдешь пролетарского:
Фарсы с тещей и прочая древность,
И последняя вещь Луначарского
Между пьесами „Яма“ и „Ревность“.

★

А деревня?.. Ее представлениями
Не балуют по старой привычке...
Только „маг-чародей“ с объяснениями
Выступает в Нардоме для смычки.

★

Кое в чем по старинке мы тащимся...
И никто мне ответить не хочет:
— Если правда — искусство — трудящимся,
Отчего нет в театрах рабочих?

Вас. Лебедев-Кумач.

БЕСПЛАТНОЕ ЗРЕЛИЩЕ

— В нашем доме каждое воскресенье бывает бесплатный спектакль.

— А что, у вас собственный клуб?

— Нет, милица из неартитры № 17 по воскресеньям заведет своим муну сцены устраивает.

— Какая разница между театром и пивной?
— В театре есть искусство и мало трудящихся,
а в пивной много трудящихся и нет искусства.

Итак, мне вручено руководство театральной политикой, хотя и не во всеобщем масштабе. Я сижу в кабинете, делаю интеллигентное лицо и даю беседу представителям печати:

— Мы выкинули лозунг: «искусство—трудящимся»...

— Совсем?!—наивно спросил один из начинающих представителей.

— Всерьез и надолго, во всяком случае! Но выкинуть лозунг—это одно, а провести его в жизнь—другое!

— Я думаю!!!—подтвердил начинающий.

— Вот! Поэтому основная задача—приблизить массы к искусству, и второе—приблизить искусство к массам. Для этого, в первую очередь, надо учесть вкус рабочей массы. Вы думаете для рабочего интересно то же, что и для нас?! Нет, товарищи, это не верно. И я, и вы—мы с удовольствием пойдем и в оперетку, и на комедию, даже в оперу и балет. Но рабочий?! Рабочему это не нужно,—рабочий любит поэзию удара молота, симфонию машин, ритм завода. Медом его не корми, дай ему только доклад по международному и внутреннему положению или о снижении цен за первый квартал прошлого года...

— Почему же—за первый?..

— Потому что относительно второго у нас еще нет сведений. И вот, идя навстречу рабочей массе в ее вкусах, мы даем в районных театрах и в клубах соответствующие инсценировки, доклады и лекции. Это и есть путь приближения искусства к массам.

Второй путь—путь приближения масс к искусству. С этой целью мы в центральных театрах ставим репертуар прошлого, ибо рабочий класс должен овладеть всей сокровищницей буржуазной культуры...

— Извините за вопрос: а ходит рабочий зритель на клубные постановки?! Вот с инсценировкой доклада по международному?!

Я переменял интеллигентное выражение лица на скорбное:

— Нет, не ходит! Причин этому много. Во-первых, невысокое качество этих постановок. Во-вторых, некоторое отставание докладов от событий. Так, сейчас мы подготовили инсценировку доклада по вопросу о захвате Францией Рурской области... Это, конечно, устарело несколько. И, наконец, отсталость рабочих масс: они почему-то не понимают собственных вкусов и тянутся к старому репертуару, предпочитая оперы и драмы нашим современным инсценировкам...

— Значит, рабочий зритель заполняет центральные театры?!

— Ничего подобного!—обиделся я.—Во-первых, им там нечего делать,—какой же им интерес смотреть буржуазную идеологию?! Во-вторых, там далеко не доступны для рабочих цены. И, наконец, они просто неловко себя чувствуют среди обычной публики,—надо и придется получше, и то, и се. Нет, не ходят рабочие в центральные театры!!!

— Так рабочий зритель никуда не ходит?! Нет, стало быть, рабочего зрителя?!

Скорбное выражение моего лица с кинобыстротой уступило место сухому и официальному:

— Если вы, товарищ, полагаете, что в театры можно тащить на аркане или доставлять с милицией, то вы заблуждаетесь, товарищ!!!

— Да, брат, вот какие сны бывают!!!—закончил я рассказывать свой сон приятелю с завода «Коммунар».

— Сон, говоришь?! — недоверчиво переспросил он.

Вл. Павлов

(Об искусстве трудящимся)

Искусство часто приносит трудящимся не столько радость, сколько расходы.

★

Не только театрам, но многим нашим журналам давно пора бы завести широкую «рабочую полосу».

★

Не всякий заслуженный—заслуженно заслуженный.

★

Пьеса без разлагающейся буржуазии подобна кушанью без приправы.

★

Были бы клубы, а халтура найдется.

★

Есть и рабочие, которые каждый день бывают в театрах: это—рабочие сцены.

★

Иностранные фильмы монтажерами кроются, критиками — кроются, а публикой все-таки смотрятся.

Трудящимся нужно большое искусство, чтобы иметь возможность увидеть «искусство трудящимся».

★

Некоторые артисты получают звание НАРОДНЫХ только потому, что так им НА РОДУ написано.

★

Даже самый плохой роман можно переделывать в пьесу.

★

Все можно переокрасить в красный цвет, но все переокрашенное линяет.

★

Ошибка критиков в том, что они считают свой голос—голосом масс.

★

И «Белая гвардия» кончается Интернационалом, а все-таки она «Белая гвардия».

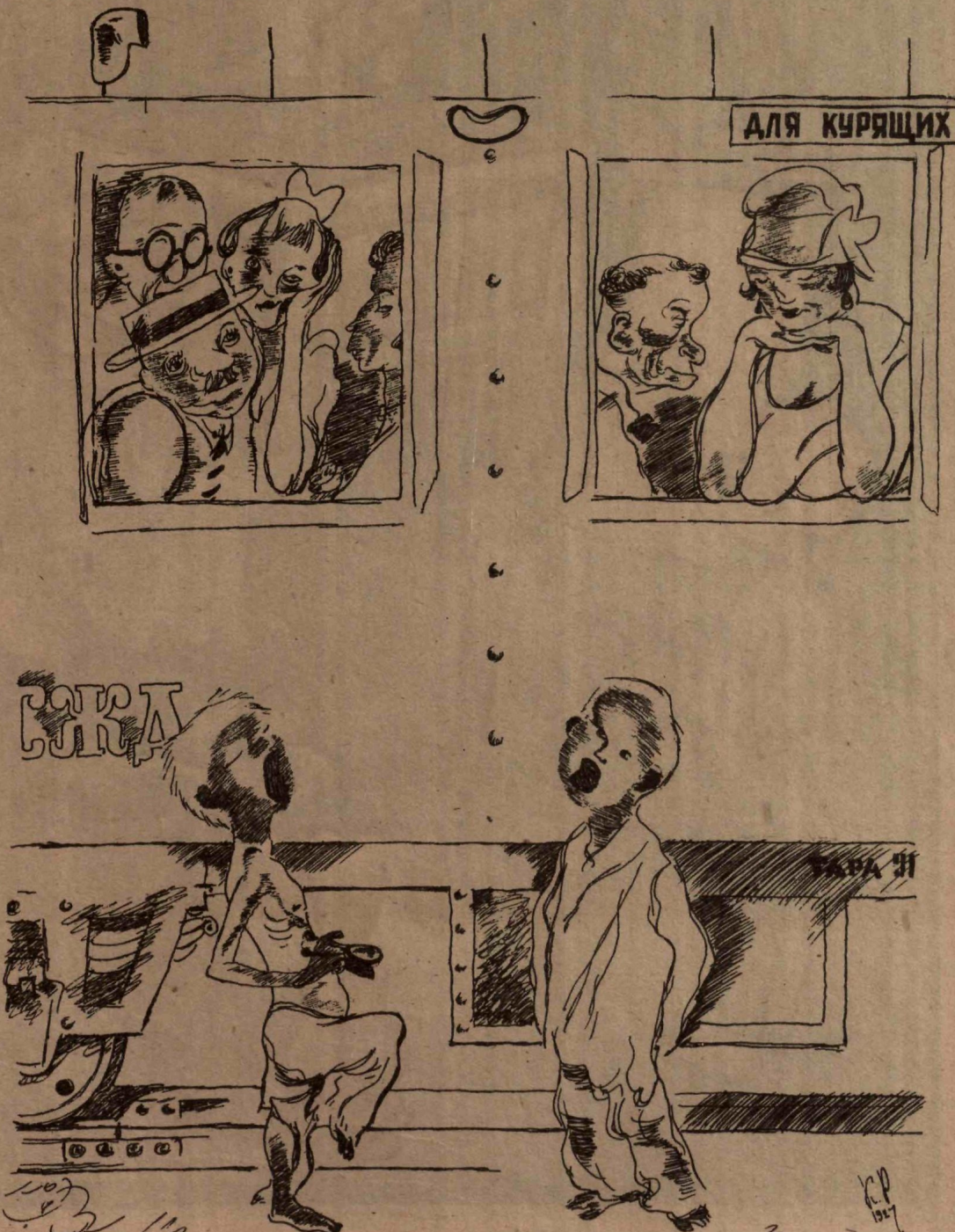
★

Не всякий райком интересуется театральным райком.

Беспартийный Савелий Октябрев.

Рис. К. Ротова

НА СТРАЖЕ

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПОСРЕДРАБИСА (из окна): — Эй, вы! Проценты со сбора в Посредрабис не забудьте внести...

ЗАСЛУЖЕННО-НАРОДНЫЕ АРТИСТЫ РЕСПУБЛИКИ.

(Бытовая зарисовка)

Завклубом имени Шитова не спал три ночи. Да разве можно спать в августовские ночи, когда в болотах квакает шумовой оркестр лягушек, когда падают звезды и лениво брешет на молодой месяц черкизовская собачья, и, главное, когда голова занята мыслями, как дешево дать рабочему художественное зрелище. Нельзя же рабочим вечно пичкать постной драмкружковщиной и живгазетчиной злободневного засола. Пора дать и высокохудожественный материал рабочему зрителю!

На четвертый день зав, худой, с синяками под глазами, белый, как новый бюллетень, решил от бремени высокой мысли:

— Малый театр для широких масс с низкой зарплатой по умеренно низким ценам в «Летнем саду Парижской Коммуны».

Через три дня замысел зав был приведен в исполнение. На черкизовских заборах пестро закричали об'емистые афиши:

«ЛЮБОВЬ АННЫ ПИГЛЕР» В ИСПОЛНЕНИИ КОЛЛЕКТИВА МАЛОГО ТЕАТРА.

В воскресенье глава клуба имел продолжительный разговор с лучшим вышибалой черкизовского клуба Птичкиным:

— Ты слушаешь?
— Слушаю!

— Никого, даже из смазного бабкома, ни... ни! Любовь Анны Пиглицы — это большая штука, не Синяя блуза какая-нибудь! Малый театр и большой духовой оркестр!.. Да распорядись, чтобы сейчас же дырья в заборе заделали и колючей проволокой обнесли, иначе деловые залезет!

К вечеру очаг рабочей культуры имел внушительный вид. По забору тянулись проволочные ограждения точь-в-точь, как в империалистскую войну. К кассе на целых пять сантиметров ниже обыкновенного прикрепили новые цены от 55 коп. до 3 рублей. На закате солнца, на радость босоногим, приспособляющимся к пушкарскому входу зайцам, зашарил оркестр, и к кассе потянулась рабочая публика.

Смазной бабком, по привычке на ходу штукатурясь, пошел смело через семейную калитку, но у калитки грянул сильный бас, пахнувший махоркой:

— Осади назад! Хватит на шермака шаманиться, сегодня большая художественная программа из Малого театра.

Рабочие читали: «Умеренные цены», чесали рабкредитные брюки на заднем учреждении и, поворачивая оглобли, шли в лесок. В сад проходили солидные мамаша с собственными шелковыми крышами и упитанными дочками.

Рабочий Сидоров, слышавший на счету завкомов и администраций бесчисленных заводов, где он работал, первым бузотером, кричал у калитки:

— Излупил бы я этих малотеатричков, как сидоровых коз! Искусство—в массы, а денежки—в кассы! Растак твою эдак перетак!

В саду началось первое действие... За денежки...

В лесу и на берегу пруда также началось первое действие, но бесплатно... Смазной бабком, потеряв все надежды проникнуть на высокохудожественную вещь, с горя пошел купаться... Ребятки, любящие повеселиться, связали в мокрые узлы нижние гарнитуры девчат. В воздухе запрыгали визги и хохот... Чуть подалее от пруда на плотно умятой лужайке рабочие играли в кости, очко и прочие монетные игры.

Перед в доску пьяным Сидоровым, проигрывающим последний обеденный талон из столовой МСПО, стояла его Сидориха и два босоногих Сидоренка. Жена шмакала носом и с плачущими без слез глазами бурчала:

— Изувер, беспортошник... Загубил... Что ты думаешь над своей головой!..

Сидоров сверкал двумя малиновыми огнями на штанах и отвечал:

— Пусть думают лошади!.. И гуляй вместе с ними. Дай пока еще картинку!..

В саду играла попрежнему музыка... Дочки и сынки черкизовских кустарей амурничали у клумб...

У входа в клуб стояли два милиционера и контролер, поминутно кричавший:

— По пр'фбилетам—никого! Сегодня Анна Пиглица из Малого театра!

П. Черенков.

Рис. Д. Мельникова

— До чего же суфлер нашего директора напоминает, — один в кабинете сидит, и все ему поддакивают.

НАВСТРЕЧУ ЗАПРОСАМ

К пятидесятилетию Октября газеты развернули широкую кампанию за оживление и обновление театров.

«Пора, наконец, приблизить театр к современности!»—писали «Известия».—У нас есть имена и таланты, но у нас до сих пор нет нового, созвучного революции репертуара. Заслуженный народный артист Шалагин гениально шамкает со сцены, но кому теперь нужно шамканье допотопных арий Мефистополя из набившего оскомину «Фауста»?

«Даешь театр, созвучный эпохе!»—взывает театральный рецензент «Правды».—Мы не против балета. Мы высоко ценим талант заслуженной народной артистки Гельцер. Но когда ее водят под руки все в той же прогнившей «Эсмеральде», мы в праве спросить: «А что общего имеет этот балет с эпохой социализма?!».

— А взять хотя бы Художественный театр!..— поддакивала, читая газеты, публика.—Или пьесы прошлого века ставит, или какие-нибудь «Дни Турбиных», с буржуазной идеологией... Как самому-то Станиславскому не противно!..

— Тоже и Мейерхольд хорош! Островского портит, да Гоголя, да Грибоедова... Как-будто нельзя кого-нибудь из новых, из теперешних авторов изуродовать?

Кампания разрасталась. Недовольство крепчал. Критики шумели. Публика галдела.

Маститые, заслуженные народные артисты, директора театров и деятели искусства волновались и недоумевали:

— Противно читать и слушать! — говорили одни.—Тоже, берутся судить и критиковать... А судьи кто? Разве толпа понимает вечную святость искусства?..

— Политикой мы не занимаемся, — угроמו высказывались другие. — Искусство не должно быть тенденциозным. Для нас одинаково приемлема всякая идеология... кроме, пожалуй, революционной!

Третьи удивлялись:

— Но чего еще им нужно, скажите на милость?.. Ведь поставили же мы балет «Красный подсолнух»? Не желтый и не зеленый, а именно красный!..

А четвертые — большинство — советовали пойти на уступки:

— Надо, знаете, считаться с требованиями времени и масс! Социальный заказ, знаете, запросы нового зрителя, пятьдесят лет пролетарской революции и все такое... Нельзя же, знаете! Все-таки как-то...

Голос большинства восторжествовал. И ко дню пятидесятилетию Октября город украсился революционно-обновленными сводными афишами актеатров:

Государственный Большой. «Красная Аида», опера Верди.

Экспериментальный. «Красная Эсмеральда», балет.

МХАТ I. «Красные дни Турбиных», пьеса Булгакова.

И только театр Мейерхольда пошел, как всегда, против течения и объявил ближайшею новинкой сезона комедию Дениса Фонвизина:

«Бригадирская внучка».

Некоторые зашипили:

— Как?! Пьеса, написанная в восемнадцатом столетии!.. Хороша созвучность эпохе! Хороша новизна!

Но другие раз'яснили:

— Во-первых, пьесе 200 лет: никто ее, значит, не помнит. Во-вторых, ставится она Мейерхольдом: никто ее, значит, не узнает. А в-третьих, какая разница,—новую или старую пьесу переделать так, чтобы никто ничего не мог понять?..

Никита Крышкин.

ПРОСТАЯ ПРИЧИНА

Вечером приехала скорым труппа московских артистов на гастроли в Пулхово. Еще за две недели до их приезда по городу были расклеены яркие афиши, на которых огромными буквами, напоминающими лавины перья, перечислялись имена знаменитых артистов и список пьес лучших писателей. На следующий день по приезде труппы рядом с этими роскошными афишами приютились меньше четвертушки листа объявляющая, на которых чернилами было начерчено:

«Проездом! Проездом! В клубе им. Луначарского Бородкин режет мускулы не только себе, но и всем желающим, колет щеки и нанкось просверливает животы. Кроме того! Непревзойденная спящая дама в воздухе Нил-Сан! Бой цветов!».

Перед началом спектакля московских артистов выступил с речью представитель губполитпросвета тов. Голубков. Он говорил долго о значении и влиянии театра и закончил так: «Еще раз товарищам артистам спасибо от имени трудящихся нашего города! И пожелаем, чтобы они чаще к нам приезжали и тем самым раз навсегда отбили бы охоту разным Бородкиным и прочим халтурщикам дурачить массы». И спектакль начался. После 3-го действия тов. Голубков сказал своему приятелю:

— Смотри, как мало народу—на галерке пусто, на балконе пусто. Только, что в партере да в ложах. Да и то смотри, какие-то разодетые бабы. Должно быть, напманшй. А я еще их «товарищами» называл.—Недовольство Голубкова еще больше увеличилось, когда ему кассир сказал:

— Если первый спектакль дал дефицит, то на какие средства мы отсюда выедем?..

На следующий день тов. Голубков пошел в клуб им. Луначарского, где выступал Бородкин.

Досадно ему стало, когда он увидел битком набитый зал.

— Чорт возьми, и все, видать, рабочие... И все, видать, трудящиеся.

И противно ему было смотреть, как на сцене кривлялся выбритый, толстый Бородкин. Не дождавшись конца, он ушел. А через два дня за его подписью в местной газете появилась статья: «Что нам нужнее,—писалось в этой статье,— Бородкин или культурный театр?».

В ответ на эту статью появились еще три статьи, в которых говорилось, что театр массам не нужен и что массы ушли дальше и что массы до театра еще не доросли. Много спорили, много доказывали, а кассир городского театра разводил руками: «Если пятый спектакль дал дефицит, то на какие средства мы выедем?».

Голубков не успокаивался и решил на эту тему устроить диспут в клубе швейников. Говорили, что артисты плохие, что пьеса хорошая, но несовременная, что артисты великолепные, но не доходят до зрителя... Много говорили, доказывали, волновались и—разошлись. А кассир по-прежнему разводил руками: «Если и восьмой спектакль дал дефицит, то на какие средства мы отсюда выедем?»...

Прошло много дней. Давным-давно уехали московские артисты, уехал и Бородкин из города Пулхова. Растрепал ветер роскошную афишу знаменитой труппы и скромное объявление Бородкина, оставив только нижние края. И на эти кусочки афиши ни Голубков, никто не обращал внимания, а, между тем, в этих клочьях и крылась причина спора, так как на них еще можно было прочесть: «Цены местам в театре от 1 р. 10 к.», а в клубе, где выступал Бородкин,—25 к.

Б. Левин

НАДО Ж ПОНИМАТЬ..

В театре им. Мейерхольда готовится к постановке «Горе от ума» Грибоедова.

Рис. Д. Мельникова

ГРИБОЕДОВ: — Нехорошо, т. Мейерхольд... Нас, покойников, вы мучаете это еще туда-сюда, но ведь публика-то — она живая!..

ЗАМЕТКИ ЗРИТЕЛЯ

Кино я знаю лишь немного, Признаюсь без рисовки... Но— Люблю великого немого, И не люблю я Совкино.

Програма Совкино—потемки, Репертуар—шалльной больной. И тщетно громыхнул «Потемкин», Борясь с халтурно волной.

Бездонный кладезь всех сюжетов, Сама гражданская война От бесконечных трафаретов Бесцветна стала и скучна.

Все те же кадрики сражений (Осколки «Красных Дьяволят») И «буржуазных разложений» Ненужный, нудный, длинный ряд...

Видали много простофиль мы— Американских, шведских... всех! Но не видали просто фильмы, Где был бы наш советский смех.

Живая «Хроника событий» Утратила былой под'ем. И на вопрос о новом быте— Ответ кино: «Любовь втроем».

Писалось много в кино-прессе О том, как смачно и во-вкус В «обголливуженной» Одессе Халтуру делает ВУФКУ.

На удивление всем Европам, Поставив классиков ребром, Из моря пошлые сиропы Грузинский варит Госкинопром.

Своим кино мы не богаты. И зритель наш смотреть привык Американского проката «Ны выгрез» взятый боевик.

Но даже тут и даже в этом Порой нелепо и смешно Над безобиднейшим сюжетом Мудрует долго Совкино.

Все искромсает по привычке, Монтажем зрителя смутив, Чтоб политграмотой напичкать Невинный скэтч и детектив...

Я не скажу худого слова (Зачем кривить от злости рот?), Люблю великого немого. А Совкино—наоборот.

Вас. Лебедев-Кумач.

ИХ ДЕНЬ

— Батюшки, смотри, рабочие-то в театр валом псевалили!

— Успокойся, сегодня в театре с'езд.

АФИШИ — ЧТО НАДО

Провинциальные халтурщики-антрепренеры любят запускать афиши с крикливыми подзаголовками под названиями пьес. Вот примеры таких афиш. Если они чуточку пересолены, то, право, очень немного.

1.

ТЕАТР ИМЕНИ ТОВАРИЩА ЛУНАЧАРСКОГО (б. ЭДЕМ).

21-го августа представлено будет

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН.

Сильная драма-опера в 3-х сериях и 7 частях, мирового композитора Чайковского, по сценарию знаменитого поэта Пушкина.

Картина 1-я—«Роковая встреча».

Картина 2-я—«Бессонная ночь» или «Лети письмо туда, где примут без труда».

Картина 3-я—«Отвергнутая любовь».

Картина 4-я—«Коварный соблазнитель».

Картина 5-я—«Страшное убийство или гибель от нагана».

Картина 6—«В лапах старого сладострастника».

Картина 7-я—«Отвергнутая любовь с другой стороны или верность до гроба».

По ходу действия—танцы: вальс, танго, фокстрот, шимми, дункан и пр.

2.

ТЕАТР ИМ. КАРЛА МАРКСА (быв. собор Иоанна Предтечи).

Представлено будет

с участием знаменитых артистов московских государственных академических опер: **Сабинского - Лирского, Ефемерской и Хребтова:**

Ф А У С Т.

Трагическая музыкальная опера в 5 действиях, Бизе.

Д. 1-е—«Продажа души дьяволу или расписка кровью».

Д. 2-е—«Насильник доктор или тайна одного сада».

Д. 3-е—«Раскаяние падшей».

Д. 4-е—«Дуэль с чортом или честная смерть красной, ме. ца».

Д. 5-е—«Убийство ребенка из-за неплатежа алиментов».

ПРИЧИНА УВАЖИТЕЛЬНАЯ

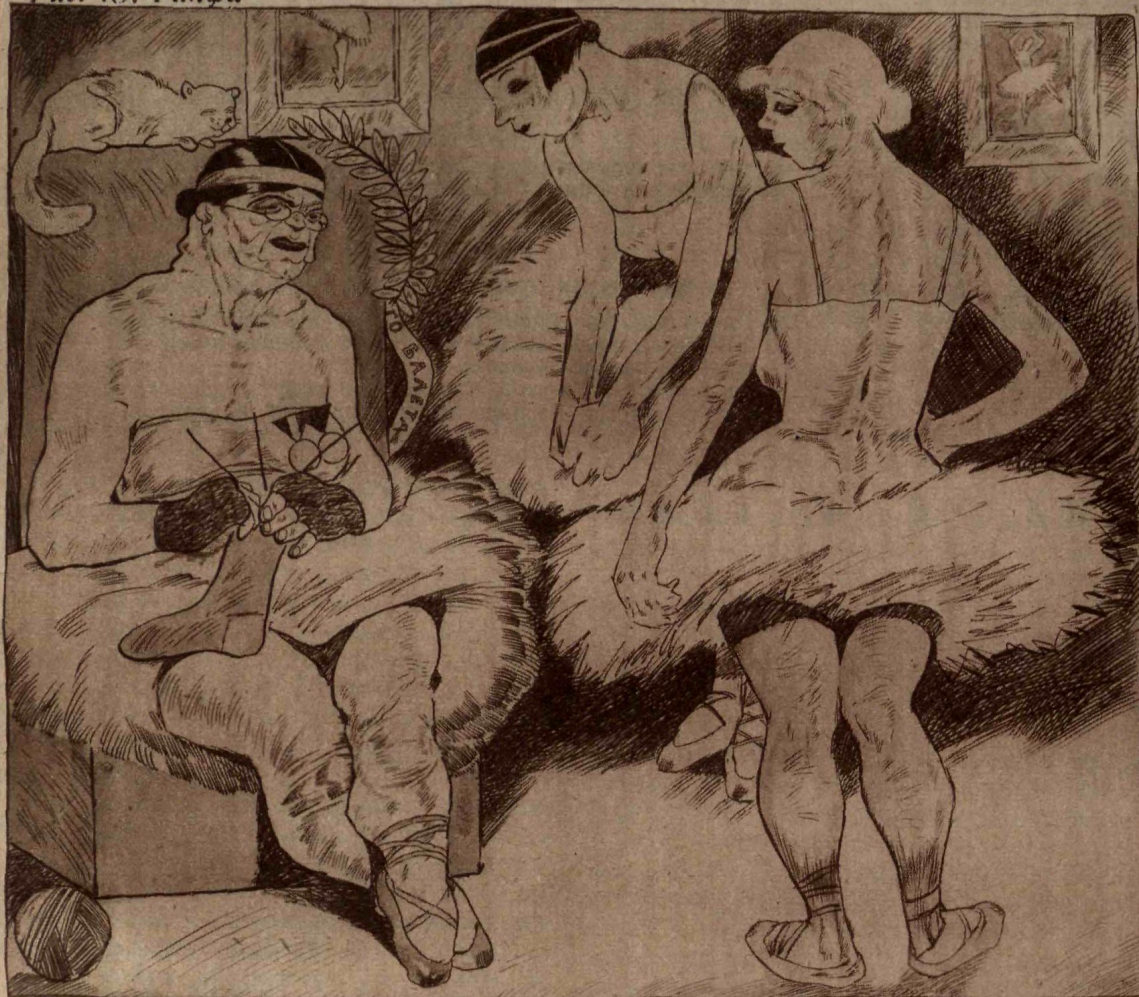
Рис. К. Елисеєво

— За что вас, господин Шаляпин, наградили званием народного артиста СССР?..

— За то, что я в течение последних десяти лет ни разу не выступал перед народными массами СССР.

Рис. Ю. Ганфа

МОЛОДЫЕ: — Бабушка, дай и нам потанцевать для народа!

ЛОВКОСТЬ РУК

Босоногий, белоголовый парнишка, запыхавшись, пробежал к избе Потапа Лагуткина и заглянул в окно. Над висячей лампой за столом, уставленным бутылками и тарелками с закуской, сидел сам хозяин, лысый, седенький старикашка в желтой рубахе, и бритоголовый, рыжеусый человек, в зеленой бархатной толстовке.

Прильнув к стеклу курносый носом, парнишка постучал в окно и крикнул:

— Дядя Потап, народ в клубу давно собрался. Председатель велел представляльщика позвать!

Рыжеусый взглянул в окно и простуженным голосом спросил:

— В чем дело, хозяин?

— А это, значит, из клуба прислали?—угодливо пояснил Потап, подвигая гостью чайный стакан водки.—Не терпится им... Председатель, грит, прислал...

Рыжеусый выплеснул из стакана в рот водку, обсосал усы, громко рыгнул и прохрипел:

— Председатель? Подумаешь—какая цаца! Видали мы таких. Я, брат, перед самым председателем Чувашской республики представления делал, от Наркомпроса Горской республики похвальный отзыв имею. А тут какой-то сельский председателишка!

— А ты плюнь, товарищ маг!—угодливо забормотал хозяин.— Не оборачивай внимания. Рази они понимают? Подождут, не велики господа!

— Меня сам председатель Горской республики ждал! — стукнул кулаком по столу гость.—Наркомы Чувашской ждали! Я по всей Европе международные культурно-просветительные представления черной и белой магии давал!

Хозяин придвинулся к нему и, лукаво подмигивая, заметил:

— А скажи, друг, по душам... того... этого... магия эта... в каких она смыслах происходит?

— Ты думаешь—чертовщина? — усмехнулся гость.—Обратно тебе говорю: без всякого опиума тут дело, одна сплошная ловкость рук.

— Толкуй!—недоверчиво покосился на него Потап.—Слов такое знаешь, товарищ маг... Не без этого; это уж как есть!

Гость протянул руку к стакану и задумчиво пробормотал:

— В... верно! И слова, конечно, разные знаю... Хошь, сейчас какую-нибудь гипнотизму покажу?..

— Нет, ты уж того... Сделай милость... обожди...—пугливо отодвинулся от него хозяин.— Ну ты к лешему... Еще напустишь какой-нибудь ерундовины... Ты уж лучше это в клубу устраивай...

— В клубу?—хитро усмехнулся гость.—А, может, плавать я хочу на ваш клуб. Раз у вас такая бессознательная публика и никакого сочувствия артисту... Приехал я, скажем, в ваше село дать культурно-просветительное представление черной и белой магии, повесил афишу, сам продавал билеты, все честь-честью. А, спрашивается, сколько я за билеты денег выручил? Четвертной билет! Да я за эти деньги ухом не шевельну, не то, что будут стекло жрать. А, может, у меня сегодня ни стекла, ни огня душа не принимает. Я за четвертной пальцем не двину!

Хозяин внимательно взглянул на его, хихикнул и шепнул:

— Я, товарищ маг, понимаю... Вместе пили... А ежели поймут?

— А я по огородам на большак побегу... Дорогу знаю... И ночь темная...—также шопотом отозвался гость.

— Ну, в таком разе валяй, не копамись... А то опять пришлют... Не терпится им, дьяволам...

Маг вскочил, накинул потрепанное пальтишко, подхватил брезентовый тощий чемоданчик, сунул хозяину руку и выскользнул из избы.

Через пять минут в избу вбежал председатель сельсовета, рыжебородый мужик в новом зипуне, и удивленно огляделся:

— Дядя Потап, где маг-то? Народ давно собрался, требуют...

— Эка, хватились! — усмехнулся Потап.— Маг-то этот самый давно умызнул.

— Так чего ж ты его не задержал?

— Задержи сам, попробуй! Больно ты ловкий. Он, брат, тебе такой ерундовины напустит, что не обрадуешься. Или село спалит, или еще что. А ты скажи спасибо—черти его унесли. Одним словом—маг и ловкость рук... Такой все может...

Председатель долго стоял молча с раскрытым ртом, потом ожесточенно плюнул и выскользнул из избы.

Н. А. Карпов

Откровенно говоря, театры, разные там МХАТы да аки, я недолюбиваю. Да и любить, по совести сказать, их не за что. Монету гоните им большую, а показывают там груху старую. Другое дело—массовое народное гулянье. Вот здесь, можно сказать, искусство трудящимся прямо на ладони. Но—по порядку...

Организовал наш союз однажды массовое, народное. Не программа, а ягодка! Народу приперло тьма тьмущая, порядочному человеку даже плюнуть некуда. Порасселись мы чин-чином, а кто и стоит. Семьячками поплевываемся. Вдруг на сцене дядя появился со звонком—публику созывать. А нас что созывать, когда мы и так понаперли. За час раза три звонил. А затем вышел гражданин и объявил:

— Первым номером нашей программы будет—здравствуйте, почтеннейшая публика!

Тут сразу все: —Хи-хи-хи... наше вам,— отвечают.

А он:

— Сейчас мы вам покажем наизнаменитейшего во всем мире фокусника-китайца мистера Сам-Пью-Чай.

И чего, братцы мои, этот Сам-Пью-Чай наделал. Часов, колодец, портсигаров донабрал уйму, а потом как бросит их все в толпу. Ну, тут и пошла. С мест все повскакали, да к вещам. Давка—несусветная. А китаец орет:

— Граждане! Опомнитесь! Ничего я вам не бросал—это так только одно проворство и ловкость рук. Вещи у меня.

Ну, тут малость поуспокоились. А то думали—пиши пропало. Вот где настоящее искусство для трудящихся! Есть же способные люди!

Потом показали с закрытыми глазами отгадывательницу чужих мыслей. Не успели об этом объявить, как сидевший со мной кассир нашей фабрики сразу встал, поблдевел, да и лататы. Я ему: «Что вы, что с вами?» А он и говорит: «Нездоровится мне чтой-то, домой пойду». А сам на-вертывает. Но она баба безвредная оказалась. Скачала, кого как зовут, а потом, когда спросили ее, какого она мнения о публике, так даже комплимент отсыпала:

— Очинно даже хорошего.

Напрасно-только кассир утек — приятный оказался номер.

Но самое замечательное—это было в конце. Борьба. Вышли два здоровенных дяденьки и давай ломаться. То один ухватит, то другой. Полчаса ломались. Никто никого положить не может. Во второй схватке—который побольше—как хватит меньшего кулаком по голове. Ну, тут наши кузнецы не стерпели.

— За что! Недозволенный прием!

А тот отвечает:

— Не ваше дело.

— Как не наше! А за что же денежки плачены! Что мы, по-вашему, и правов на десятом, можно сказать, году не имеем!

Вскочило тут человек 20, которые покрепче, да и давай колотить большого. Да и маленький борец помогал. И что тут получилось — не зрелище, а сплошное удовольствие. Прямо, как говорится, самодеятельность! Вот милиция только помешала—разогнала всех и вечер сорвала. А жаль! Смеху-то одного сколько было. Настоящее искусство! Не театру чета!

Сергей Позняков

Рис. К. Елисева

ОТВЕТРАБОТНИК: — Скажите, рабочие посещают большой театр?!
КАПЕЛЬДИНЕР: — Не извольте беспокоиться, — у нас только чистая публика!

Вечер спектакля... Звонки прозвенели...
Шумные зрители в кресла засели...
Лезет в глаза мне «полоска» одна,
Грустную думу наводит она...
В креслах покоятся, вместо рабочих,
«Бухи», «пишмаши» и множество про-
чих...

А почему же рабочего нет?
Не по карману «полоскин» билет!

Ф. Благов.

ТРУДДИСЦИПЛИНА

— Когда вы успеваете такую массу переводных романов прочитывать?..

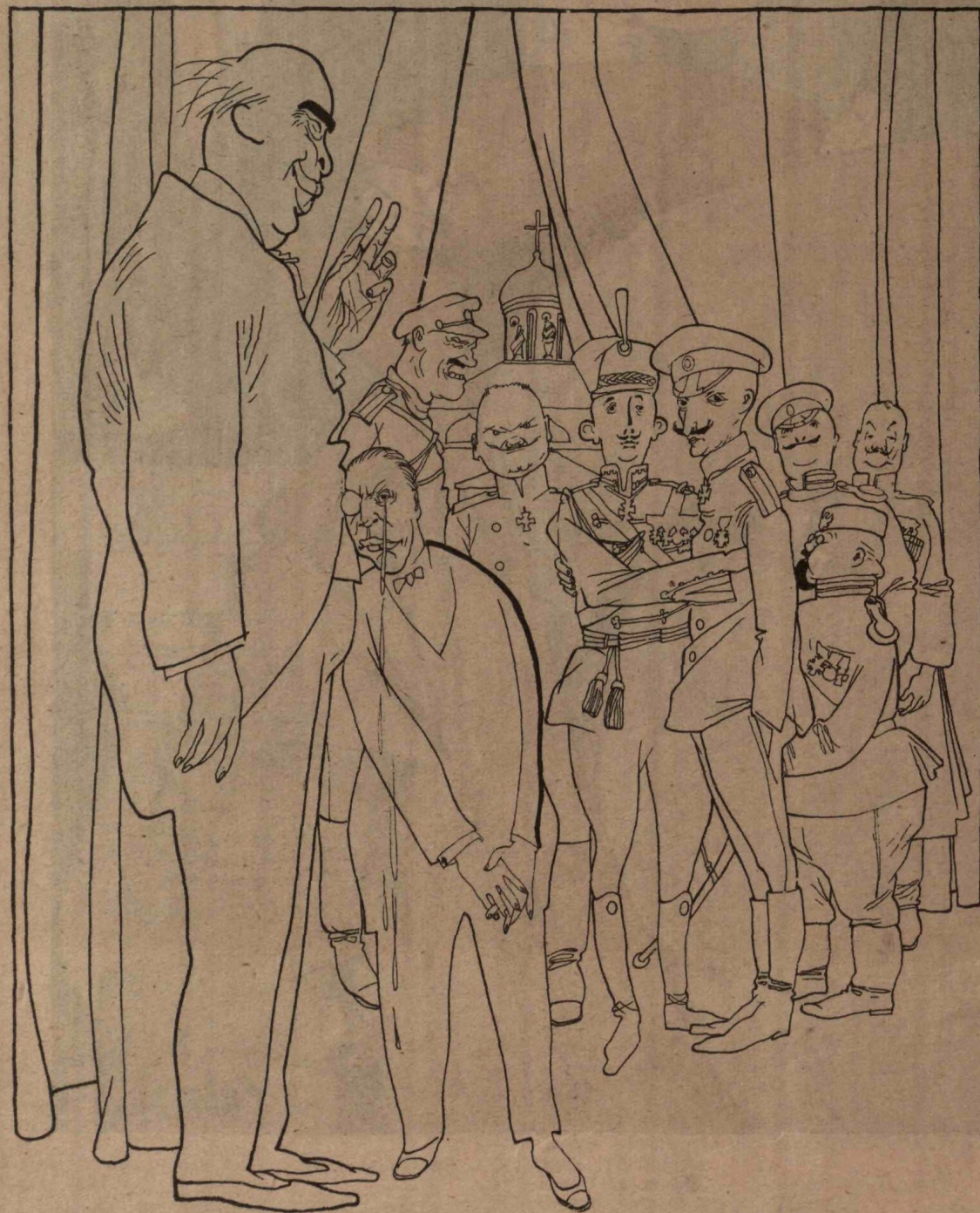
— Раньше не успевал. А теперь у нас на службе строгости пошли: приходиться изволь не позже девяти и уходить не раньше половины четвертого. Вот и занимаешься...

МЕЖДУ НЭПМАНАМИ

— Как вы попали в этот номер об искусстве?
— А вы думаете, уклониться от обложения—не искусство?

УТЕШЕНИЕ СКОРБЯЩИМ

Рис. Д. Моора

БУЛГАКОВ:—Прошли золотые дни Турбиных!..

СТАНИСЛАВСКИЙ:—Да, но зато сколько раз и при каких сборах!..

БОЛЬШАЯ РЕДАКЦИЯ

В № 161 от 16 июля газета «Красный Крым» пишет:

ТРАВМАТИЧЕСКИЙ МИЭЛИТ

В феодосийскую горбольницу доставлен гр. Замотин, ударившийся при нырянии в воду. Замотин через несколько часов после доставки в больницу умер от паралича дыхательных путей. Врачи считают этот случай чрезвычайно интересным в медицинском отношении, так как Замотин после несчастного случая, получив в больнице первую помощь, ушел домой, где пролежал полтора дня. За это время у него постепенно отнялись сперва правая рука, потом левая, затем ноги и, наконец, наступил паралич дыхательных путей, от которых он и умер. Болезнь эта называется «травматический миэлит».

Товарищ, приславший газету, спрашивает, как человек сумел дважды умереть, и если

эта болезнь называется миэлитом, то как называется болезнь редакции газеты.

Тоже миэлит! Только газетный! В таких случаях у редакции сперва отнимается репортер, давший подобную заметку; при хроническом же характере этой болезни отваливаются подписчики, и оперативным путем удаляется редактор отдела.

НОВОЕ В ВЫДВИЖЕНИИ

В селе Павловке, Кузнецкого уезда, Саратовской губ., павловский виж по суду отобрал водяную мельницу у арендатора и бывшего владельца кулака Гельцера за нарушение договора. Заведующим был назначен кандидат партии тов. Смирнов. Новый же предвик Исаев рассуждал, повиному, так: Смирнов долго прослужил в Красной армии, ему надо отдохнуть—нельзя же все время служить. К тому же сейчас распространено выдвижение новых работников. Нужно и на себя обратить внимание центра. А для этого надо в выдвижении работников сделать что-то новое.

В результате место Смирнова занял выдвиженец... от квартирной хозяйки Исаева, ее родственник... кулак Гельцер.

Предвика Исаева поздравляем! Новое в выдвижении вами применено, и на вас обратил внимание центр!!

РИСКОВАННЫЙ НАРОД

Тов. «Северный» пишет:

В Сасзвский сельхозсоюз в качестве заведомо сбыта приглашен родственник члена правления Данышина, гр. Ермаков, человек, не имеющий в этой отрасли работ никакой специальности. От операций Ермакова по заготовке дров союз потерпел убыток в 1.500—2.000 рублей.

У нас всегда так! Вылетело в трубу 1.500—2.000 руб. Сейчас же в «Кроводил» пишут; нет, чтобы за место службы покрепче держаться. Рискованный народ пошел нынче!

ВАЛОВОЙ СБОР

Сообщают такой факт из Челябинска:

Председатель месткома служащих отделения Госбанка, тов. Каменский, получив от отражассы отпуск на неделю без права выезда из Челябинска, а для лечения в туберкулезном диспансере бесплатно, взял из фонда, отпущенного на улучшение быта сотрудников отделения 70 рублей и уехал в Миасс. Некоторые служащие, получившие отпуск по болезни на более продолжительное время, из фонда не получили ни копейки. Как оценить такое поведение предместкома?

Нам ценить уж поздно. Он сам оценил свое поведение в семьдесят рублей.

БЕЗРУКИЕ

Сообщают:

В Старо-Салковском рик'е служащие лечебных учреждений получают жалование по старшинству: числа десятого получает главврач, двадцатого — служащие больницы, а в третью очередь—служащие амбулатории. Повидному, у них в рик'е есть «своя рука», которая им потворствует.

А как же иначе! Раз есть «рука», она и действует. А теперь и вы со «своей рукой!» «Кроводил» протягивает вам в помощь свою лапу.

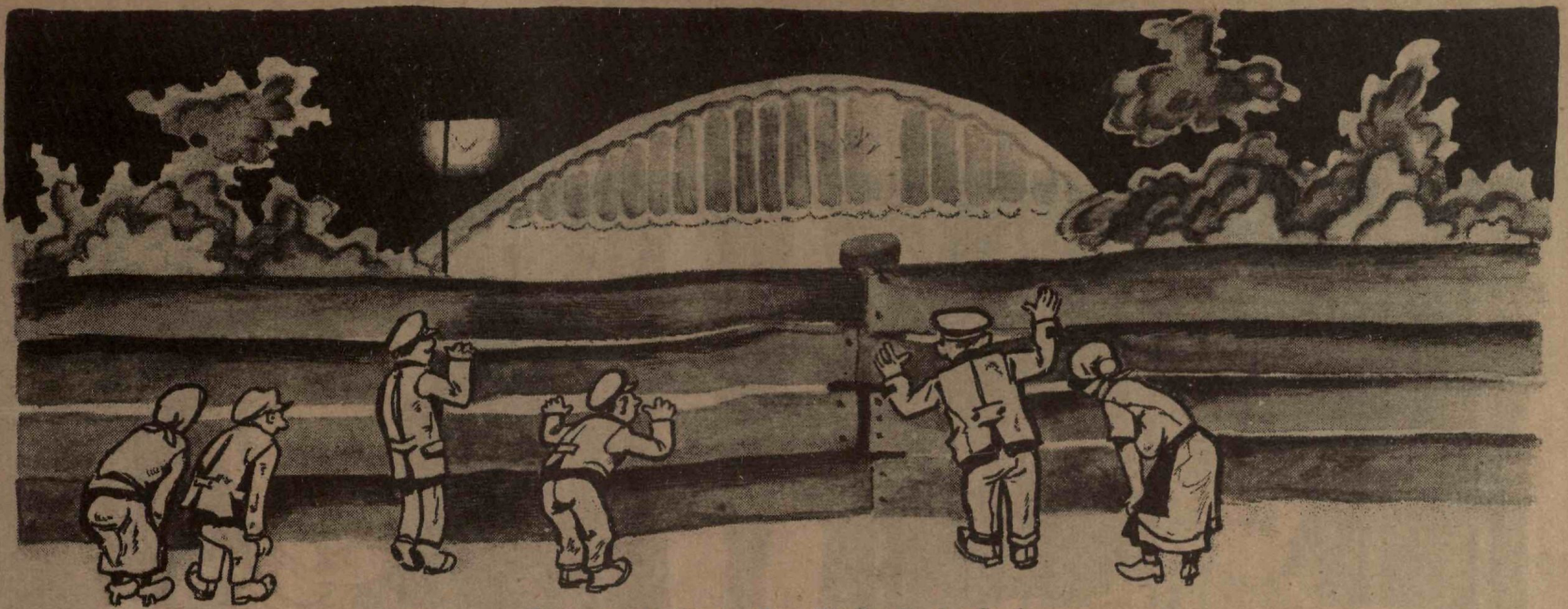
МИГАЮЩИЙ «МАЯК»

«Маяк Коммуны» в № 164 помещает заметку:

ИНСЦЕНИРОВКИ ПО СССР.

18 июля в Москву возвратился из отпуска французский посол в СССР г. Эрбетт. В тот же день он был принят тов. Чичерным.

Ясно, что заголовок к заметке попал по неряшливости, а потому и «Маяк» вышел мигающим. Не часто ли он так мигает!

РАБОЧАЯ ПОЛОСА

ТРОГАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

До армавирского жилсоюза дошли неприятные слухи о злоупотреблениях и разгильдяйстве в жилтовариществе, находящемся в Армавири, по ул. Троцкого, № 123. Началась ревизия. Но у правления был козырь следующего содержания:

В правление рабочего жилстроит. т-ва «Электросвет». Мы, нижеподписавшиеся, члены т-ва «Электросвет», живущие в доме № 123 по улице Троцкого, и жильцы дома, не члены товарищества, приносим правлению т-ва свое пролетарское спасибо за то, что оно своевременно производит самый необходимый ремонт, заботится о благоустройстве дома, открыло для членов и жильцов клуб-читальню, где мы в уютной обстановке проводим свой пролетарский досуг и имеем возможность читать русские и армянские газеты и журналы. Желаем, чтобы в дальнейшем наше правление с такой же энергией проводило разные улучшения и не оставило так удачно начатой работы культурной и вообще работы по рабочему жилстроительству.

Вот тут и говори о разгильдяйстве, когда «пролетарское — спасибо»...

Может быть, читателей интересует, кто подписал это «спасибо»... Увы, товарищи, только одна подпись, и то в следующем виде:

«Володя. Перепиши на чистый бланк бумаги и заставь подписать человек 15—20. Шаров».

Шаров—это председатель правления. А Володя—член правления Беганец.

Вот-те и «пролетарское спасибо»...

МИАССКИЕ КУЛЬТУРНИКИ

Культпросветкомиссия Миасского напильночного завода (Урал) и клуба металлистов на лето перенесли всю работу в городской сад. Чтобы привлечь «чистую публику», по воскресеньям взимает плату за вход в 70 копеек и выкидывает такие антраша:

Клуб металлистов.

22 июля, пятница, первый раз

в летний сезон

БАЛ-МАСКАРАД.

Призы за костюмы и танцы.

Буфет: пиво, вино и крепкие напитки.

Танцы до утра.

Чистый сбор в пользу Осоавиахима.

Сад был украшен «лозунгами»:

«Кто еще не пьян—напейся».

«Жены, бойтесь своих мужей».

«Крокодил» сильно сомневается, чтобы полученный при помощи таких средств сбор можно было назвать «чистым»,—с небольшим, но прескверным запахом этот сбор получился—сивухой от него прет. А чем пахнет культком?!
Надо бы быть—вылетом!!!

СТРОИТЕЛЬ

На чугуно-литейном заводе им. Карла Либкнехта в Касимовском уезде, Рязанской губернии, как-то не клеится дело:

Есть заведующий строительным отделом Попов. Строит он как-то странно: построил фундамент к газогенераторам, а потом пришлось его ломать,—стоило это удовольствие 6.000 рублей. Поставил раму для распилки бревен,—пришлось ломать. Две зимы строит двухэтажный дом для рабочих, прекращая стройку на лето.

Действительно, интересный строитель. Что же он хорошего-то построил?.. Оказывается, есть у него и такая постройка,—собственное благополучие построил и держится довольно крепко, ибо—приятель управляющего заводом Юстуса...

Что ж... Если все прежние постройки Попова приходилось ломать,—придется и его благополучие нарушить. Правда, от этого и Юстус расстроится,—но что же поделаешь?!

СНИМАЕТСЯ...

Режим экономии—дело великое, но, по правилу, с глупостью ничего общего иметь не должен, даже с превеликой, чего нельзя сказать о Кусинском (Златоустовского округа) рик'е:

Медведевскому сельсовету.

При сем Кусинский райисполком сообщает, что для учительского персонала отопление и освещение снимается, а такие имеют право пользоваться только квартирой.

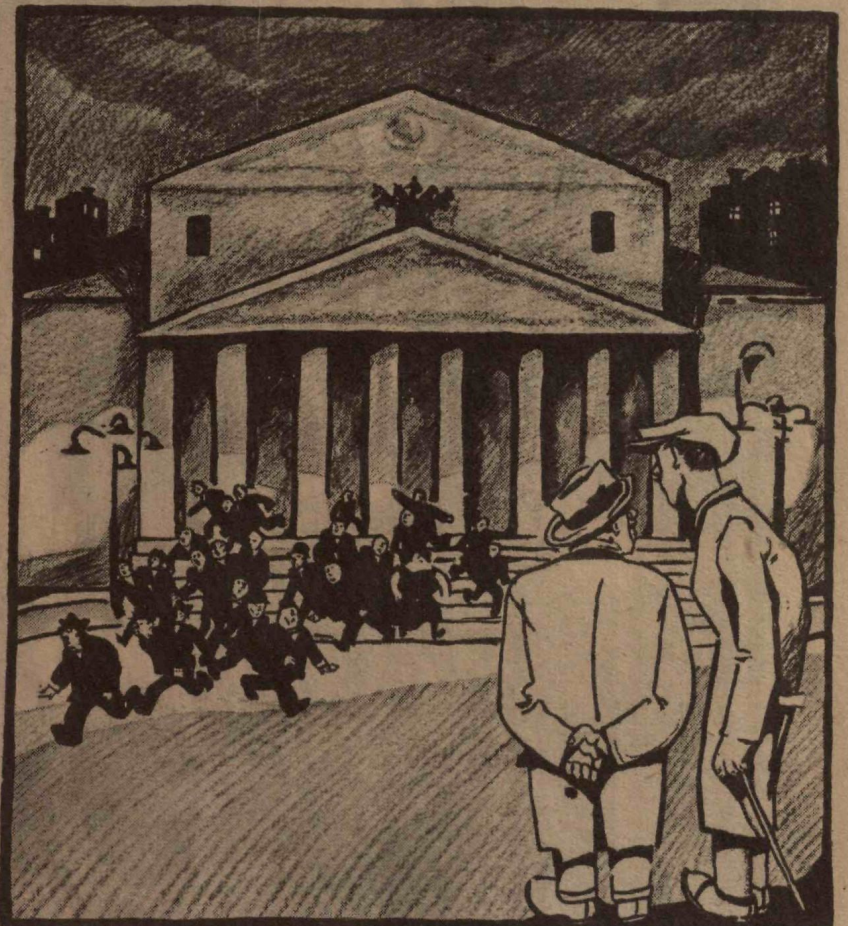
Пред рик'а Алашев.

Секретарь Решетов.

Дорогие товарищи Алашев и Решетов! Бывают случаи, что вместо отопления и освещения для пользы народного просвещения «снимаются» предрик'а. И вот, чтобы вам не попасть под подобную фотографию, займитесь на досуге изучением постановления СНК РСФСР от 21 апреля 1926 г. «О мерах по улучшению положения сельского учительства». Особенно поинтересуйтесь пунктом первым и о результатах сообщите «Крокодилу».

ПОСТАНОВОЧКА

Рис. Н. Храпковского

— Ну, как?!

— Из ряда вон выходящая...

— Постановка?!

— Да нет! Публика, — первого акта не выдержала, — вся вон пошла.

«Я полагаю, что было бы очень хорошо показать эту картину в России. Я был бы самым решительным противником того, чтобы ее резали и калечили якобы для придания ей большей политической приемлемости».

(Гов. А. Луначарский о картине „Наполеон“).

Рис. К. Ротова

НАПОЛЕОН: — Второй раз я в России и опять попал в неприятную переделку!!!